

IV

МЯКИШЕВ Максим Степанович, 81 года, крестьянин дер. Марнаволоок. Был два раза женат. Обе жены умерли. Сейчас доживает свои век в доме старшего сына — крестьянина рыболова и сапожника — Александра. Дом большой. В прежнее время, кроме крестьянства, занимался выделкой овчин, отчего известен в окрестных деревнях под прозвищем Максима Овчинника. Как и все его земляки, занимался

227

рубкой леса и извозом; одно время торговал горшками, разъезжая по многим деревням. Говорят, что ему разъезды ничего не стоили, так как за ночлег и лошадь он оплачивал рассказываньем сказок. В настоящее время из—за глухоты и из—за болезни глаз занимается исключительно тем, что очищает нивы от камней, при помощи тачки (самодельной). На межи выворотил камней несметное количество и ставил, по словам сына и других крестьян, высокие и длинные каменные стены.

По признанию самого Максима Степановича, в семье ему сейчас живется неплохо, по—стариковски, молодежь живет сама по себе, своими занятиями и делами и не очень—то интересуется его жизнью и воспоминаниями про старину. Петь былины и рассказывать сказки — большой любитель, сказывает по первому приглашению. Когда мы пришли, он спал на печке. Только его разбудили и сказали, что пришли за былинами, как он слез и стал петь одобрине и Алеше Поповиче. Он спел нам четыре былины и одну (об Илье Муромце — исцеление, Соловей Разбойник, Илья Муромец и Святогор, Илья Муромец и Идолице) пересказал сказкой, так как складом уже забыл, хотя раньше хорошо знал. В свое время знал былин очень много. По собственному признанию, лет десять назад он смог бы сказать нам былин больше двух десятков. Сейчас петь он решается только те, которые приходилось ему повторять или детям зимой, или самому себе на печке, что продельывает он довольно часто. Максим помнит, как приезжал в 1871 г. в Марнаволоок Гильфердинг, но по молодости лет (ему было тогда 25 лет) сказать о том, что он знает былины, постеснялся. Рябининых («Рябинкиных» по—местному) он помнит очень хорошо. Не раз слушал он былины и от Никифора Прохорова (Утицы) с Купецкого озера. Указать точно, от кого сам он «понял былины», он не мог, несмотря на настойчивые расспросы, говорил, что от разных лиц. Рыбников, в своей статье (2 изд. I. LXXXIV), сообщает, что в Марнаволоке был очень хороший певец, умерший до его приезда. Пропетые Максимом Степановичем былины и духовные стихи отличаются, почти все, сохранением архаичных подробностей, которые заонежскими сказителями уже забыты. Максим очень жалел, что мы не «принимаем» сказок, и пользовался каждым удобным случаем, чтобы рассказать ту или другую. Сказки его замечательны и своей архаичностью и эпической выдержанностью: присказками, многократными повторениями. Выслушанные от него: предание о Петре I и крестьянине, сказки о Еруслане—Лазаревиче, о ростовщике—храмостроителе (Щúле), о кумовой кровати, о воскресшем мертвецe и теленке, съевшем мужика — принадлежат к числу лучших вариантов в русском сказочном эпосе. На наше предложение поехать в Москву старик ответил радостной готовностью. Когда мы отплывали от Марнаволока, старик долго стоял на мостках и смотрел вслед.

228